

Леонид Корниенко

**Окна целятся в ночь
перекрестием
рам**

(поэтический дивертисмент прозаика)

Москва
Вест-Консалтинг
2016

Корниенко Л.Г.

Окна целятся в ночь перекрестием рам. (Поэтический дивертисмент прозаика)

Москва. Вест-Консалтинг. 2016 - 88 с.

ISBN 978-5-91865-394-4

В этой насмешливой, но искренней книжке — стихи, написанные 35 лет назад. Они живо переплетаются с автобиографией автора, жившего в то время на Украине и волею судьбы потом переехавшего в Финляндию. У автора истина в стихах и истина в рассказе о своем творчестве одна: чем жил, о том и написал. Как об этом надо говорить — серьезно или с улыбкой? Однозначно, выбор за вторым. Наша жизнь, по мнению автора-прозаика, сейчас более похожа на дивертисмент, чем на простую череду простых будней и праздничных дней.

© Леонид Корниенко, текст, 2016

© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, верстка, 2016

Посвящается моей жене Наташе

От автора

Французское слово «divertissement» означает «развлечение». Под этим названием 300 лет назад стали появляться небольшие музыкальные пьесы увеселительного характера. Прошло время, и этим словом стали называть музыкально-балетные или вокальные эпизоды в спектаклях. Новым воплощением дивертисмента 200 лет назад стали музыкально-поэтические композиции, когда прекрасные стихи, например, о любви читались со сцены в обрамлении соответствующей музыки. В современном мире тотальным обрамлением дивертисмента стали музыка в наушниках у молодежи, музыка в клипах и рекламе на телевидении, а так же музыка как сопровождение компьютерных игр. В данной книге стихи обрамлены не музыкой, а прозой. Отсюда и такой подзаголовок книги.

Предисловие

Все пишут стихи. Пример тому — мой кум Коля, царство ему небесное. Он читал только листки отрывного календаря. Долгое время я подозревал, что это и есть весь круг его литературных увлечений. Но однажды, откровенно поговорив под рюмочку о многообразии творческих начал у человека, он вдруг пригласил меня в свой «закуток», (туда было не могли войти никому ввиду нахождения там всевозможных ценных и важных инструментов), достал из нижнего ящика рабочей тумбочки школьную тетрадь в клеточку, торжественно открыл ее на середине и прочитал... стихотворение о своей первой школьной любви. Рифма была неуклюжая, форма имела вид белого стиха, но искренность и чувственность были по-детски первозданные. Талант и его первородство жили десятки тысяч лет назад и в душах кроманьонцев, если посмотреть на их наскальные рисунки. Что уж тут говорить о нас, современных людях, любящих разные фантазии и их воплощения? Доверие же Коли ко мне было вызвано тем, что я, помимо прозы, в то время еще продолжал кропать стихи. Зуд поэтического творчества у нас обоих был непреодолим! Кому Коля мог показать его плоды? Только тому, кого считал ПОЭТОМ, то есть мне.

Фантазия

Отшумел пожар — деревья голы.
На ветвях — одни лишь воробьи.
Листопад на кучи после школы
Ребятишки в парках весь сгребли.

И вчера зажгли те кучи разом,
И под вечер, в отблесках луны,
Я увидел в дыме серо-грязном
Возращенье дикой старины.

Клубы дыма в тучи улетали,
Тая в них мгновенно без следа,
Будто то не кучи прогорали,
А сжигались в пепел города.

И сквозь дым я видел злую сечу,
Блеск мечей, разящих копьев лес,
Всадников, что гибели навстречу
Мчались, копьё взяв наперевес.

Мне казалось, что еще мгновенье,
И в той сече окажусь и я,
Чувствуя меча прикосновение,
Видя его жало острия.

От волнения сердце трепетало,
Руки силой злою налились...
Но луну вдруг облако застлало,
И виденья все оборвались.

Под ногами листья шелестели.
Словно ворох будничных забот.
Скучно, утомительно скрипели
Фонари у парковых ворот.

1977

(Это мой карандашный портрет, сделанный соседкой-закройщицей, когда мне было 12-13 лет)

Сожжение клеенчатой тетради с тиснением в топке титана для нагрева воды

С пятого класса стихи писал и я. Так как наряду с этим я с упоением читал приключенческие книги (Стивенсон, Купер, Майн Рид, Жюль Верн, Беляев и т.д.), то и стихи мои были полны всяческого выдуманного вздора. Была даже ба-альшая па-Эма в клеенчатой тетрадке с тиснением, которую с удивлением читал мой брат, студент музыкального училища, о благородном пирате «Ты сам это придумал?» — спрашивал он. Я скромно помалкивал и строчил, строчил. А также стал перечитывать биографии знаменитых писателей. Как я понимаю теперь, искал тогда сходства в своей только рождавшейся биографии с их биографиями. Все закончилось через два года, в начале седьмого класса. Я, обуреваемый ностальгическими воспоминаниями о городе своего рождения, написал стишок: Город родной, Милый мой... и т.д. Мама отнеслась к нему скептически. А когда я еще сочинил музыку к нему и посмел гнусаво исполнить, то ее смех и улыбка папы ввели меня в такой ступор, что... Что, что! Поступил как Гоголь со своим вторым томом «Мертвых душ». На следующий день я сжег клеенчатую тетрадку, несколько черновиков и злополучное стихотворение в топке титана для нагрева воды и забыл о стихах почти на два года. Намного позже, роюсь в сохранившихся бумагах, нашел черновик стихотворения, как отзвук моего младотворчества.

Маленький сон

Тикал будильник. Светилась лишь лампа.
Я все смотрел за ночное окно
И представлял, что зеленая пампа
Стелется там, за окном, где темно.
Я представлял, что скачу на мустанге,
Ветру подставив горячую грудь,
И под копытами гибнут фаланги,
Травы клонятся, давая мне путь.
Путь мой опасен и полон тревоги,
Но не к тому мои мысли идут:
Где-то в степи по бандитской дороге
Девушку Санчо на торги везут.
Это о ней мои мысли, за нею,
Мчусь на мустанге и тихо шепчу:
— Если в бою победить не сумею,
Хитростью ночью тебя увезу.
Нас унесет мой мустанг быстроногий
В пампу, свободную солнцу, ветрам,
Там, где папаша-гаучо твой строгий
Там, где веселая добрая мам.
Будем мы жить там на маленьком ранчо,
Будем мустангов с тобой объезжать.
Ты же ведь смелая, милая Санчо
Девушка с длинной косою до пят....
Тут я очнулся. Светилась лишь лампа.
Тикал будильник, И ночь за окном.
Мне захотелось, чтобы вдруг пампа
Явью была, а не маленьким сном

(закончено в 1972)

Журналист городской и районной газеты и по совместительству поэт Вячеслав Колесников

Конечно, я лукавлю! Сочинять я не перестал. Мама заметила и посоветовала не просто так сочинять, как получится, и прятать написанное в стол. Нужно показать написанное знающим людям и получить резюме. В городской и районной газете «Ленинский прапор» нашего города Александрия (не путайте с египетской Александрией!) был журналист, который вел литературную рубрику на ее субботних страницах. Вот и надо к нему! И я пошел! Длинноносый, длиннорукий, сутуловатый, коротко стриженный, Вячеслав Колесников совсем не походил на литератора, даже журналиста, а скорее на бухгалтера. Он долго вчитывался в принесенные мною стихи, потом аккуратно выложил листочки с ними перед собой в две стопки. Большую он мне вернул. Меньшую положил в синюю папку и стал со мной беседовать. Подробностей ее я, конечно, не помню. Но вот один момент беседы я запомнил все-таки на всю жизнь. Колесников почему-то вдруг доверительно и с напором заговорил о большом значении в текстах стихов образных выражений. И привел пример, что в каком-то стихотворении о последней ночи перед расстрелом испанского поэта Гарсиа Лорки есть метафора: «В небе неполная Луна как спусковой крючок...». Словно напоминание, что завтра утром расстрельная команда нажмет на спусковые курки ружей... Наверное, тогда я стал по-другому видеть ткань своих стихов. Из синей папки некоторые из них перекочевали на страницы воскресных номеров газеты.

Это было приятно! Но самое улетное впечатление все-таки произвела не публикация их, а... первый гонорар. У меня до сих пор перед глазами желтый корешок этого денежного перевода с жирно выведенными шариковой ручкой цифрами: 1 рубль 48 копеек. Для пацана, который выпрашивал у матери пять копеек на 100 грамм мятного драже, это были немыслимые деньги. На них можно было бы купить: 9 буханок хлеба, стакан газировки с сиропом и коробку спичек; или шесть порций вкуснейшего ленинградского пломбира и буханку того же хлеба; или бутылку плодово-ягодного вина «Біле міцне» именовавшегося в народе «Биомицин» и к нему шикарную закуску в виде городского сырка и белой сайки. Но о последнем я узнал позже, в 10-м классе. А тогда, в седьмом классе, я отдал эти деньги маме. И каждый день в течение недели мама и папа, пряча улыбки, за обедом говорили, что хлеб на столе куплен на мой гонорар.

Потом были и еще гонорары, по-моему, даже более 3 рублей. Подспудно стала зреть мечта заниматься только литературным трудом. Но это были первые и последние гонорары в моей жизни, которые я получил за свое творчество. Поменялись времена — сменилось и отношение к художественному слову. Как оказалось потом, заработать на жизнь литературным трудом стало невозможным. Но эти вещи тогда меня не трогали и не вызвали смутных мыслей. Хвала юношескому восприятию литературного творчества, живущему во мне до сих пор!! Для меня была важнее оценка мною написанного. Досточтимый Колесников однажды в моем присутствии обратился к коллегам-журналистам и

сказал так о стихотворении, написанном мною после посещения Ялты в 7-ом классе:

«Еще и не жил, еще юный, а широко видит!»

Я видел...

Я видел горы. Просто, величаво
Они застыли будто бы во сне.
И все в сравненьи с ними как забава.
Все, кроме моря, что сильней.

Я видел море. Из-за гор вставая,
Оно в глаза бросалось синевою.
И белой дымкой даль свою скрывая,
Влекло таинственно и властно за собой.

1969

И от этой оценки не было в тот миг меня счастливей на земле!

Армейские стихи

В армию я был призван в мае 1973 года. Перед этим все свои стихи я перепечатал на пишущей машинке «Москва», которую мама и папа заказали в Ленинграде годом ранее мне в подарок к окончанию школы. Это было признание ими моего упрямого желания заниматься литературным творчеством. Посылка шла, помню, долго, почти полтора месяца. Уведомление из почты, что посылка с непонятной припиской «неделимая» пришла, вызвало у родителей неопишуемый восторг. Папа сам ходил на почту и принес белую картонную коробку, всю опутанную бечевкой, измазанную сургучом, обклеенную несколькими официальными бумажками со штемпелями. Из нее извлекли черный футляр, похожий на баянный, который таскал в музыкальную школу брат, правда, раза в три меньше. А из футляра следом достали саму пишущую машинку, пахнущую заводской смазкой, в сером каркасе, с рычажно-сегментным литероносителем, подвижным бумагоопорным валом и рядами черных глянцевых клавиш. Это выглядело тогда похлеще сегодняшних айфона или планшета! Теперь моя рука могла не просто выводить каракули на листке бумаги, а делать стихи в том виде, в котором они возникали в книге. Я попросил маму перепечатывать стихи, которые буду присылать из армии, и класть к остальным в папку.

Вот одно такое, написанное в учебке

* * *

Детские годы ушли безвозвратно,
С ними и сказка про Деда Мороза,
Но все равно впомянуть мне отрадно
Те новогодние, детские грезы,
Мамины хлопоты, елку в игрушках,
В комнатах хвои волнующий запах,
И ожидание грома хлопущи,
И огоньки свечек в елочных лапах...

1974

Дата стихотворения не совпадает со временем моего пребывания в учебке! Дело было так. Перед армией для стихов я купил маленький блокнот, с такой же обложкой, как когда-то сожженная тетрадка. За полтора месяца учебки в него было записано около десятка стихотворений и столько же заготовок. Носить блокнот в кармане было опасно. На любом построении карманы проверялись очень придирчиво на предмет неположенного. Поэтому я оставлял блокнот в тумбочке и доставал только в личное время. Наивный юноша! Шмон проводился нашим сержантом и в тумбочках. Однажды вечером я блокнота не обнаружил. Его изъяли! На вечернем построении я ждал, что меня вызовут из строя и устроят разгон, но ни в этот раз, ни позже меня по поводу блокнота не тревожили. Из блокнота я вспомнил только это стихотворение. Сами стихи сержанты, видимо, разобрали по дембельским альбомам, а

*блокнот выбросили. Находясь после учебки в войсках, я
все написанные стихи сразу отсылал домой.*

Из солдатского быта

Грубо шутили и матерились,
Бревна сгружая с машин.
Спины от тяжести страшной ломились,
Но не заныл ни один.

После разгрузки присели устало,
Пот оттерев, на бревно.
По сигарете из пачки достали,
Спичкой зажгли их одной.

Долго молчали, смакуя затяжки,
Думая все о своем.
Рядом лежали ремни и фуражки.
Пахло сосновым смольем.

1974

Тревога

Была объявлена тревога.
Рассеян вмиг глубокий сон.
Исчезли парни за порогом
В ночи, чернее, чем гудрон.

И тишина опять в казарме.
Тревожная, но тишина.
На койках, там, где спали парни,
Остывших простыней волна.

Дневальный по привычке ходит,
Вставая на носки еще,
А лесом шли бойцы повзводно
Укрывшись ночью, как плащом.

1974

Армейские будни

Под знойным солнцем просекою шла,
С учений возвращаясь, рота.
Блестели лица, мокрые от пота,
И пыль кисеей тонкою плыла...

Там позади остался трудный марш-бросок,
Рубеж атаки — злой, неудержимой.
А где-то ждал привал, и сигарет дымок,
И письмецо для девушки любимой.

1975

К окончанию службы в армии желание заниматься литературным творчеством окрепло окончательно. Мама всеми силами старалась мне помочь. На одной из страниц второго экземпляра пачки перепечатанных стихов я потом обнаружил такую запись рукой мамы.:

«Газеты и напечатанные на машинке другие материалы отправлены в Литинститут бандеролью 25.03.1975г.» Я дембельнулся из армии через 2 с половиной месяца после этого.

Литературный институт им. Горького. Поэт Сидоренко Н.Н.

Перевалочным пунктом по дороге домой из армии была Москва. 12 мая 1975 года я отыскал на Тверском бульваре желто-белое здание под номером 25, прошел мимо полуподвальных окон к красным дверям под козырьком. Это был вход в Литературный институт, куда пришла посланная мамой бандероль с моими стихами. Куда идти, чтобы узнать о ее судьбе, я не знал. С трепетом остановился на лестничной площадке второго этажа. Рядом также стояли какие-то парни в свитерах. Один из них спросил:

— А ты чего тут ищешь, солдатик?

Я был гвардии рядовым, а это старорежимное «солдатик» прозвучало для меня уничижительно, и я деланно-равнодушно сказал:

— Мои стихи присланы сюда на конкурс.

Отношение ко мне сразу изменилось.

— У нас сегодня семинар у Ник. Ника, то есть, у поэта Сидоренко. Хочешь увидеть его? Он — настоящий мастер стиха!

Я пошел за парнями в свитерах. Посередине аудитории на студенческой скамье сидел грузный седой мужчина с крупным носом. Он меланхолично пожевывал верхнюю губу и внимательно всматривался в лица входивших. Парни почтительно окружили его. Теперь на меня никто уже не обращал внимания. Я посидел немного. Было неловко. Веяло знакомой до мозга костей армейской субординацией. Сделав вид, что хочу прочесть объявление на внешней стороне двери, я вышел

в коридор. Меня никто не окликнул. И я понял, что мне не стоит узнавать о судьбе моих стихов, присланных на конкурс. Благоговение перед литературной алма-матэр улетучилось. Гражданка в ее лице показывала мне свой первый волчий оскал.

Много позже, в год окончания Кировоградского пединститута, в книжном магазине, на полке «Поэзия» я отыскал сборник стихов. На серой обложке были изображены два оленя — черный и белый. Под ними название «Трилистник». Автором стихов был Николай Сидоренко. Я вспомнил о давно забытом эпизоде в моей жизни и сборник купил. Читал я его или нет, честно, не помню. Скорее всего бегло, потому что в тщательно подобранной мною для своих нужд библиотеке сборник стихов «Трилистник» не сохранился.

* * *

Ивы над речкой развесили гривы.
Водною гладью плывут
Лодками желтыми листики ивы.
Краток, но вечен их путь...

1978

Кировоградский пединститут. Преподаватель В. Марко. Многотиражка «Советский студент».

Во время поступления в институт жажда литературного творчества, ясное дело, меня совсем не мучила. Получить если не литературное образование, то хотя бы профессию учителя литературы, стало приоритетным. И я всеми силами к этому стремился. Подготовительные курсы для прошедших армию, общежитие без очереди, просиживание за учебниками с утра до ночи и полное воздержание от алкоголя. Помню, этому страшно удивлялись знакомые хлопцы из прикировоградских районов, которые бухали каждый день, непонятно что обмывая: то ли затянувшееся окончание школы, то ли долгожданную свободу от родителей. Вступительные экзамены я благополучно сдал. К моему удивлению поступили и все бухарики. Позднее я понял, что тут сработал фактор катастрофического отсутствия «штанов» в деревенских школах, другими словами, учителей-мужчин. Таких брали учиться обязательно, лишь бы изъявлялось желание поступить в институт. Но это меня тогда, да и потом, не очень волновало. Литературное образование, как небесная звезда, сияло и манило. И первым шагом к исполнению этой мечты стала институтская литстудия «Обрій» (Горизонт), которую организовал преподаватель украинской литературы Василий Петрович Марко. Он приехал в пединститут в год моего поступления на филологический факультет. Это был интересный человек, особо чувствующий ткань и музыку слова в стихах молодых студентов-поэтов. Доставалось за фальшь и

мне, и сотоварищам. Через полгода нас осталось с десяток активных литстудийцев. И тогда Василий Петрович добился в ректорате института разрешения публиковать наши опусы в студенческой многотиражке «Советский студент» (она стоила 1 копейку, а комсомольские членские взносы для учащихся тогда были 2 копейки). И я сразу вспомнил Вячеслава Колесникова, районную газету, первые гонорары... Но, к сожалению, публикации не стали подспорьем в студенческом бюджете, ибо они не оплачивались.

Мысль о субординации в литературном процессе, возникшая после посещения Литинститута в Москве по пути домой из армии, теперь сформировалась окончательно.

Оплачивается труд только литературных «генералов», вошедших в некий издательский формат, остальным пишущим остается лишь надеяться на публикации в периодической прессе, лелея надежду быть замеченным редактором какого-нибудь известного издательства.

* * *

Утром солнце в окна глянет,
Ночи все рассеет тени,
И теплей (зима хоть!) станет:
У меня ведь день рождения!

(Это дружеский шарж, сделанный тушью моим однокурсником, когда мне было 22-23 года)

Амбиции и грезы о лаврах поэта.

Весь 1976 год мои стихи регулярно появлялись в студенческой многотиражке. Мне тогда казалось, что я рождаюсь, как поэт. Меня знали, мои стихи читали!

1 января 1976 года

Зима

Зима была совсем недолгой.
Еще и Новый год далек —
Уже бегут ручьи дорогой,
Звенит капелью водосток.

А там и дождь на город хлынул
И смысл лежалый серый снег,
И этим будто отодвинул
Назад зимы сезонный бег.

Где видел ты, скажи по чести —
Зимой вдруг надо в дождь бежать,
И вечером, в заветном месте,
Под дождь такой свиданья ждать.

1975

(Декабрь этого 1975 года и январь следующего действительно были ужасно сырыми!)

5 марта 1976 года

* * *

Мамино сердце и мамины руки,
Сколько добра они делают нам,
Сколько терпеть им приходится муки
С глаз вытирать сколько слез по ночам!

Только когда уезжаешь надолго
Трудности встретишь, по свету носим,
С горьким стыдом ты поймешь, что мы многим,
В жизни обязаны мама своим.

1975

(Эти стихи были специально написаны для дембельского альбома зимой 1975 года)

9 апреля 1976 года

Урок истории

Урок истории в 10 классе шел.
Обычный, как все школьные уроки,
А за окном весенним буйством цвел
Май месяц, солнцу подставляя щеки.

И пел всем песню пробуждения весны,
Врываясь в окна вместе с птичьей песней,
А перед классом, полным тишины,
Учитель говорил о Красной Пресне.

Слова звучали просто, а сквозь них
Вставал декабрь, грозный и кровавый,
Как самый первый и заглавный стих
Октябрьской поэмы славы.

1972

(Стихотворение было написано в начале 10-го класса. Образец политического заказа времен Советского Союза! Но Василий Петрович, тонкий ценитель и знаток поэтического слова, почему-то выбрал его в подборку стихов ко Дню поэзии на Кировоградщине. Наверное, не хватало материалов гражданского звучания, как тогда назывались опусы такого рода)

1 мая 1976 года

Весна

В небе встали синие разливы.
Солнце ласково коснулось щёк
Тучи в небе расчесали гривы,
Стали словно белоснежный шелк.

Тихо теплый ветерок повеял
Трепетным дыханием весны.
Возле дома лес стоит, синяя.
Побежим туда искать цветы?

* * *

Вот и за спиною 20 лет.
Спросите вы: « Это мало?»
Если по годам, отвечу: « Нет!»
Если по делам, отвечу: « Мало!»

В юности у каждого есть цель:
Маленькая и большая.
Взрослым стать есть маленькая цель.
Человеком — это есть вторая.

Первая приходит к нам сама
Без вмешательств всяких и стараний
А вторая, словно в зной зима,
Может стать глухим воспоминаньем

Втопчешь все мечты в обыденщины грязь,
И большая цель уйдет в забвенье.
С юностью потерянная связь —
Что быть может этого больнее!

Вот и за спиною 20 лет.
Спросите вы: « Это мало?»
Если по годам, отвечу: « Нет!»
По делам — отвечу: « Очень мало!»

7 мая 1976 года

Память

Люди не боги и смерти подвластны,
Люди бывают забытыми, но
Память людскую зовут не напрасно
Самой бессмертной на шаре земном

Помним, как дети от горя сидели,
Помним спасительный Ладоги лед.
«Граждане! Помните! При артобстреле
Здесь наиболее опасен проход!»

Помним мы все. Но чтоб память затертой
Не была в нас: ни в тебе, ни во мне
Так и осталась, как лозунг не стертый,
Надпись на Невском, на серой стене.

(Все вышеуказанные три довольно неуклюжих стихотворения появились в газете явно только по милости Василия Петровича, спасибо ему.)

7 ноября 1976 года

* * *

Стекает пот обильно по лицу,
Лопата стала непослушной,
И пыли едкую пыльцу
Ругают все единодушно.

Присесть, минуту б отдохнуть
Размять бы согнутую спину,
Но рядом так же спину гнут,
Твои друзья, вгрызаясь в глину.

И ты готовый бросить все,
Забыть о совести, о дружбе
Находишь силы вдруг еще
Сказать себе:»Нет, это нужно!

Не бросить все, не спасовать,
Преодолеть себя. Работать.»
И наклоняешься опять,
Смахнув с лица крупинки пота.

(Это стихотворение было написано после летнего стройотряда, в котором я был с теми самыми парнями из прикировоградских районов. Хорошие были парни! Кстати, большая часть из них на самом деле стали учителями, а некоторые и директорами школ. Удивительное было время!)

Год 1977-ой — стал годом стихотворного молчания в студенческой многотиражке

Писал много. А еще больше танцевал в институтском ансамбле танца «Юность». Еще подростком я увлекался танцами в ансамбле «Горнячок» при городском Доме пионеров в г.Александрия, где жили мои родители и где я закончил школу. В ансамбле жизнь бурлила по полной, была насыщена многочасовыми репетициями, гастролями по деревням и городам Украины и Молдавии. Много позже, через 20 лет, когда проза стала главным творческим приоритетом, о тех временах мною был написан рассказ «Ансамбль».

АНСАМБЛЬ

Кувалдой ювелирного изделия не сделать. Эту истину я не стану подтверждать рассказом о драгоценных камнях и минералах, золотых цепях и кулонах, подвесках и браслетах. Я буду говорить... о танцах.

Но сначала маленькое отступление. В далекие-предалекие времена, когда золото и драгоценные камни значили для человека не больше, чем, ну скажем, придорожный камень, люди уже тогда стремились выразить себя. Пылающий костер, берег реки, широкий майдан, скалистый утес — это были места, где человек осязал свое «Я». Плавные движения руками, ритмичные выпады ногами, характерные вариации голосом — это были способы, которыми человек выражал свое «Я» и сущность своей жизни. Так рождались народная песня, народные танцы,

народные сказки. Первое и последнее можно пересказать, повторить, наконец, записать. А вот танец... Кто серьезно относится к народным танцам, знает, что умение их танцевать предается человеку... генами от предков! И даже тот, кому, как говорят, медведь на ухо и ногу наступил, может затанцевать. Только для этого нужно разбудить в себе осязание своего «Я» в русле сущности того народа, к которому ты принадлежишь по рождению или даже проживанию. Не верите?

В нашем институтском ансамбле народного танца была вечеринка по случаю начала «римских каникул» — так называется у тацоров короткий летний перерыв в репетициях и концертах, если не проводятся гастроли. В репетиционный зал из студенческого клуба притащили и поставили в один угол дискотечную стереосистему со всеми прибабасами: цветомузыкой, шумовыми и дымовыми эффектами. В другом углу девочки сотворили подобие шведского стола: несколько видов бутербродов на подносах, фрукты в мисках, конфеты в тарелках из столовой и напитки из свежих ягод и кипяченой воды в трехлитровых банках. Под столом в сумке спрятали от зоркого глаза институтского начальства несколько бутылок сухого вина. На дверях поставили двух амбалов из физкультурного факультета, стеснительных и верных поклонников женской половины ансамбля. Такая предосторожность была не излишней. Любителей сунуться надурняк развлечься в институте всегда было предостаточно.

Вечеринка началась с традиционного тоста: «За ноги и душу! Чтоб связки не рвались! Чтоб всегда лилось и никогда не кончалось!!» Для несведущих, конечно, тост

звучал двусмысленной тарабарщиной. Но для танцора он был яснее таблицы умножения. Танцевать нужно — с душой, на крыльях неподвластного хмурости настроения. И тогда успех выступления будет прогнозируемым. Он всегда нужен танцору! Ибо, зачем тогда — танцевать?

После тоста и легкого перекуса занялись включением стереосистемы. Сначала, перепугав всех, из-под колонок повалил дым. Когда выяснилось, что это просто один из спецэффектов, стали дальше колдовать над тумблерами и кнопками. Колонки перестали пускать дым и зашипели. Шип сменился свистом, а затем бравурными звуками модного шлягера. Цветные лампочки так и не включились. Но никто не огорчился. Танцевать это не мешало. Поначалу задвигались немногие из танцоров. Большинство просто бродило по залу, выходило в коридор, громко смеялись, переговаривались с зеваками, потихоньку стекавшимися со всего огромного институтского здания поглазеть на неожиданное зрелище в разгар сессии.

Скоро зевак стало совсем много. Амбалам становилось все труднее сдерживать напор. А когда появились завсегдатаи, прослышавшие о халявной дискотеке, совсем стало невмочь. Те поперли так, что внесли в зал и самих амбалов, а следом и всех толпившихся перед залом зевак. В центре зала тут же образовался вихляющийся плотный круг каких-то полупьяных гогочущих патлатых юнцов и вульгарно раскрашенных девиц. Пульте стереосистемы окружили грозного вида несколько парней с явным намерением крутить только «свою» музыку.

Танцоры ансамбля, опешившие от такого нахальства, отошли к шведским столам и угрюмо уставились на вторгшуюся орду. Кое-кто из горячих голов хотел было уже по-

лезть на них с кулаками, но девчонки резонно остановили их. Драка не поможет, тем более что и зрители явно были на стороне танцевавших. Мол, ну когда еще представится возможность нос утереть этим институтским звездам, как не сейчас! Пусть стоят и смотрят. И мы умеем не хуже!..

Прошло минут двадцать. Шлягеры ставились один за другим. Убийственный своим однообразием ритм и неотрывное внимание зрителей вскоре утомили и самих танцующих. Один за другим, не в такт, фальшивя уже не только ногами, но и руками, они стали превращаться в просто раздерганных манекенов, отчаянно изображавших веселье.

Ритм народного танца, рожденный образом повседневной трудовой жизни, условиями проживания, а отсюда сложившимися на протяжении веков традициями самовыражения, никогда не сфальшивит. Он, как маленький стерженек, удерживает человека в рамках его этнического «Я». Пластика, подкрепленная таким ритмом, делает человека красивым. Не банально крикливым как при визуальном созерцании на подиуме, а гармонично естественным, что ненарочитой силой струится от человека мощным потоком в любой ситуации.

Это и проявилось в тот момент, когда на смену вконец завихлявшимся юнцам и девицам на середину круга вышли танцоры ансамбля.

Движения, с которыми они вплелись в ритм музыки шлягера, поначалу, казалось, ничем не отличались от предыдущих. Тот же обезьяний изгиб тел, те же лианообразные движения рук. Но что-то мешало назвать все это вульгарным. Некий магнетизм присутствовал в мелька-

нии рук, движении ног, наклонах тел и голов! Магнетизм яркого индивидуального самовыражения!

Заданные осколочным ритмом поп-музыки рамки соответствующих движений скоро стали тесными для танцоров. Палитра движений у них была намного богаче. В квадратах, овалах, воронках колебательного контура по-движений вдруг возникли хороводные ручейки, кадрильные пары, трюковые куски. Сначала они появлялись как блики фотоаппарата, а потом сплошным, ярким карнавальным потоком залили весь танцевальный круг. Зрители, ошеломленные хлынувшей на них красотой, стояли, как вкопанные. Никто и не пытался включиться в эту сказочную феерию движений, затмивших убожество музыки.

Я вгляделся в лица стоявших.

В ком осознание своего «Я» было связано с народными корнями, у тех лица постепенно светлели. В ком нет, у тех — темнели.

И, о чудо! Скоро первые стали потихоньку вливаться в круг. Сначала несмело, с приглядкой, а потом все бодрее и бодрее. И вот уже стало невозможным отличить, где танцоры, где новички!

Скоро из зала исчезли любители шлягеров, сменилась музыка. А вечеринка, ставшая более похожей на летний праздник Ивана Купалы, продлилась чуть ли не до глубокой ночи.

1998–2003

В мае 1978 года ансамбль «Юность» был на гастролях в ФРГ

(Из моего дневника во время поездки. Самые первые впечатления от увиденного)

«...Поехали обедать в Висбаден, а потом поедem в гостиницу в г.Эссен. Ландшафт немного напоминает украинский. Деревьев мало, поля — кусками, перерезанные дорогами. Дороги — хорошие, и что интересно, на малой скорости постукивают колеса, а на большой — нет. Стоянки машин — по маркам: Ситроен, Фольксваген, крытые, 2-х этажные..... Пассажирский транспорт редок. Зелени мало, но все аккуратно. В общем неплохо, но все это неродное. Приехали в центр. Колоссальная пятибашенная ратуша (церковь Маркткирхе — авт.) с часами. К ресторанчику пошли пешком. Шли, по-видимому, по улочке с магазинами. Витрины — ломаются от товаров. Двое с гитарами пели что-то рядом, футляр раскрыт... В Висбадене на улочках нет деревьев. Лампы, как мыльные пузыри. Домики, в основном, двухэтажные, белые, с крылатыми, покатыми, острыми крышами...»

Во время работы над книгой, перечитывая эти строки, я поймал себя на мысли, что полученный тогда шок от очевидной разницы, что было в Советском Союзе и при «загнивающем капитализме» ранил так, что содержание моих последующих стихов, не говоря о прозе, изменилось напрочь.

Начавшееся с этих пор писание стихов не для публичных выступлений, а больше в стол через постонное выборматывание строк и строф, делали мое

творчество другим, более зрелым И хотя на заседаниях литстудии я читал немного из написанного, Василий Петрович, видимо, обратил внимание на происходящие изменения и попросил дать ему подборку моих последних стихов. В ноябре этого же года из этой подборки были опубликовано следующее:

Осень

Разревелась осень крупными слезами.
Ей в любви, наверно, очень не везло.
Из глазёнок серых чистыми ручьями
Море слез горячих на людей текло.

Кто бежал — смеялся, кто бежал — сердился.
Я же шёл и вместе с осенью грустил:
Я с любовью первой навсегда простился!
И, как слезы, дождик по щекам катил.

1978 г.

* * *

Окна целятся в ночь перекрестием рам,
Охраняя домашний уют,
Преграждают дорогу дождям и ветрам,
Что во мраке, беснуясь, ревут.

За надежной стеной спит весь дом в тишине.
И ничто его сон не прервет.
И при мысли об этом уютней вдвойне,
Ощущенье покоя растет.

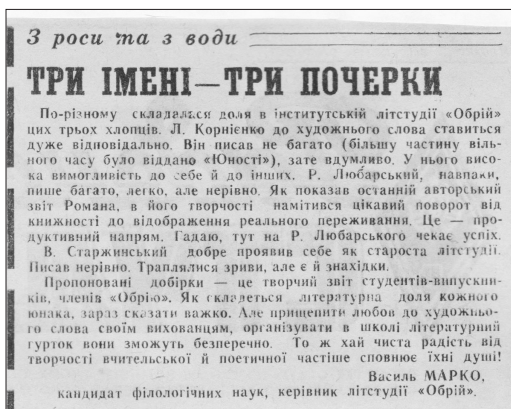
Тишина и уют. И четыре стены.
Безмятежность и люстровый свет.
А в душе почему-то тяжелой вины
Замечаю чуть видимый след.

Словно что-то забыл, не успел, не узнал,
Потерял, ослабел и застыл.
Словно то, что любил, на уют променял,
Перекрестием рам оградил...

1978

Лето 1979 году — время выпускных госэкзаменов

Василий Петрович в июньском номере многотиражки «Советский студент» за этот 1979 год опубликовал заметку «Три имени — три почерка».

Вот мой перевод ее на русский язык.

«По-разному складывалась судьба в институтской литстудии «Обрій»(Горизонт) этих трех ребят.

Л. Корниенко к художественному слову относится очень ответственно. Он писал немного (большая часть свободного времени была отдана «Юности»), зато вдумчиво. У него высокая требовательность к себе и другим. Р. Любарский напротив, пишет много, легко, но неровно.

Как показал последний авторский отчет Романа, в его творчестве наметился интересный поворот от книжности к отображению реального переживания. Это — продуктивное направление. Думаю, тут Р.Любарского ждет успех. В. Старжинский хорошо проявил себя как староста литстудии. Писал неровно. Случались срывы, но есть и находки.

Предлагаемая подборка — это творческий отчет студентов—выпускников, членов «Обрію». Как сложится литературная судьба каждого юноши, сейчас сказать трудно. Но привить любовь к художественному слову своим воспитанникам, организовать в школе литературный кружок они смогут бесспорно. И пусть же чистая радость от творчества учительского и поэтического чаще наполняют их души!

Василий Марко

Кандидат филологических наук, руководитель литстудии «Обрій»

Мои стихи из этой отчетной подборки:

* * *

Вся цветами радуги полна,
Не имея с черной краскою соседства,
Солнечная чистая страна
Под названье милым сердцу — ДЕТСТВО.

Из нее уходим мы всегда
Как-то незаметно, без прощальной фразы,
И она, исчезнув навсегда,
Оживает в нашей памяти не сразу.

В летний день, после полуденной грозы,
Радуга, как мостик разноцветный,
Отворит из будней полосы
Двери в край далекий и заветный.

1978

На улицах Висбадена

Двое исполняют
Песню под гитары,
Словно две ладони,
Разложив футляры.

Струнный звон как будто
Крепко сжат домами.
Он их стены тихо
Трогает руками.

Словно хочет выйти,
Вырваться на волю,
Бьется, бьется в камень,
Вскрикивает болью...

Этот вскрик чем дальше,
Тем сильнее и выше...
Но никто не слышит,
Но никто

не слышит...

1978

* * *

Как довернется
Тайник
Надежным дверцам,
Так и душа —
Живой родник —
Прикрыта сердцем.
Взломай замок —
Сигнальный взвизг
Ожжет искрою,
А в душу плюнь —
И сердце вмиг
Ответит болью.

1979

Постскрипtum

С Романом и Виталием после окончания института я больше не встречался.

Скоро я узнал, что Виталий утонул. Когда я занялся этой книгой, о Романи узнал из интернета, что он поэт и журналист. Первая его книга стихов «Время звезд и дождей» вышла в 1995 году в Кировограде, две следующих «На пороге в 21-й» (2000) и «Время ОНО» (2003) — в Иерусалиме. Потом Роман вернулся в Украину в Киев. Здесь в 2007 вышла книга «Точка росы», куда вошли стихи и поэма «Навстречу солнцу». Последний его сборник стихов — «Зерно и посох» (Кировоград, 2012)».

Мне было очень приятно узнать об успешной поэтической судьбе Романа Любарского.

Спасибо, Василий Петрович! Ваши труды не пропали даром!

Мое последнее сотрудничество с многотиражкой

Я проработал уже больше полугода в деревенской школе, когда однажды, приехав после новогодних праздников в Кировоград к своей будущей жене, я встретил в институтском коридоре Василия Петровича. Мы любезно раскланялись, и он попросил дать какое-нибудь стихотворение о матери в номер многотиражки, посвященный Международному женскому дню 8 Марта.

В номере от 7 марта 1980 года в разделе «Мартовские аккорды» было опубликовано мое стихотворение:

* * *

Нажал на кнопку,
Отозвалось
Там
В глубине квартиры
Эхом
Вдруг мамино:
— Сынок приехал!
И сердце словно
Оборвалось.
Дверь — настезь,
Сумку бросил на пол.
Мать обняла —
Счастливейшая в мире...
Кран незакрученный
На кухне капал...
Все остальное -
Замерло в квартире...

1979

Просто стихи...

*« Всё вперед, всё в даль! Дорога уходит в даль! Упал — встань!
Рашибся — не хнычь! Всё — вперёд, всё — в даль!»*

(Александра Яковлевна Бруштейн. Дорога уходит в даль...)

* * *

Если будет тяжело,
Будет очень трудно,
Все в порядке, сделай вид
Лучше привселюдно.

Спрячь на сердце маету,
С глаз сотри тревогу,
Сядь к окну и посмотри
Просто на дорогу

Вдаль идущая она
Силы приумножит
И неведомым маня,
Боль твою стреножит.

1978

О природе

* * *

Наступает март.
Подсыхает небо,
Нашивая синие заплаты.
Солнце из краюхи черствого хлеба
превращается в диск
Золотого дуката.

Снег скатали
Ветры-сундучники,
На полях открывая место озимым.
Парни подснежников
Первые лучики
На свиданья несут
Осторожно любимым.

1976

* * *

Строго и задумчиво стояли
Сосны-великаны надо мной.
Чуть подальше весело шептали
Что-то клены ели молодой.

А напротив, в тихом ожиданьи,
Три березки загляделись в даль.
И казалось мне, что в их молчании
Проступала светлая печаль.

Будто ждали девицы-березки
Издалёка ласковый привет,
Как на праздник, поцепив серёжки,
А его все нет, и нет, и нет...

1976

* * *

Серый снег и серый лес,
Серая дорога:
Видно, было у зимы
Серой краски много.

И раскрасила она
Мир весь серым цветом...
Где вы, радуги цвета,
Те, что были летом?

1977

* * *

Воздух знойный был напоен светом.
Мир раскрасить захотело лето.
Но разлило ненароком краски,
И родились вдруг цветные сказки.

1977

* * *

Сыплет дождь просеенную влагу.
Пыль, изнемогая от жары,
Впитывает быстро, как бумага,
Щедрые небесные дары.

Шелестят листвою задумчивые клены,
Обмывают каждый свой листок,
И кладут ветвями низкие поклоны
Небу за живительный поток.

Радуюсь и я, подставив руки,
И стараюсь капли ртом ловить...
Жаль, что мы, поссорившись, в разлуке —
Вдруг бы дождь сумел нас помирить?

1978

* * *

Как на кнопку
Выключателя
Нажимает ночь
Не окна.
Гаснут окна.
Небо тщательно
Застилают туч
Волокна.

И на спящий город
Сеется
Мелкий дождик
С тихим шумом,
А в душе усталость
Стелется,
Путь открыв
Тяжелым думам...

Только утром
Дождик кончится,
И как добрый
Врачеватель,
Уведет печаль
Всю дочиста,
Все в душе
Переиначив...

1978

* * *

Луны неоновый светильник
Застыл над спящею землей,
Как круглый маленький будильник,
Как сна веселый часовой
Все спит, ничто не нарушает,
Не рвет безмолвия сетей.
Лишь чудным пеньем наполняет
Картину ночи соловей

И слышится мне в этом пенье
Весне привет, живой задор.
И прочь уходят все сомненья,
И прежних страхов тает вздор

14.04.1978

Диптих

Умирили цветы — их забыли полить.
Умирили цветы — без упрека и слов.

Умирили цветы — как хотелось им жить,
С ветром, солнцем увидиться вновь.

И цветы, чтобы мир об их смерти узнал,
Лепестки стали наземь — ронять...

Умирили цветы, опустив лепестки,
Что полны были жизни когда-то:
В ранний час, по росе, их нашли две руки
И продали за мелкую плату.

Умирили цветы бессловесно, и в час
Этой злой и бессмысленной смерти
Стали падать на пол лепестки их, кружась,
Словно письма из блёклых конвертов.

1979

* * *

Зажмурило небо устало глаза —
И ночь опустилась на землю.
И сон, словно путами, мир весь связал,
Склонившись над каждой постелью.

Один только ветер, веселый чудака,
Не спал, над землею летая.
Но было темно, и попал он впросак —
Запутался, в ветвях гуляя.

Сердьясь, оседлал заводскую трубу
И мастерски все перестряпал:
Луну живо небу прикнутил ко лбу,
А звездами веки заляпал.

И небо, устало прилегшее ниц,
Нежданно красавицей стало,
Которую солнце, как сказочный принц,
Разбудит уж скоро на скалах.

И будут идти они словно к венцу,
Живое им петь будет славу...
Стихи я мои подведу здесь к концу.
Стих ветер.
День близок к началу.

1979

* * *

За окном мгла ночная
Под неонам Луны
Бледным светом мерца
Пьет нектар тишины.

И в блаженной истоме
Жметя нежно к земле.
Щурит глаз в полудреме
Свет звезды на стекле..

Ни забот, ни тревоги,
И не хочется спать.
Утром будут с порога
Много дел новых ждать.

Вроде б выспаться надо,
Но какой уж тут сон...
Тишиной, словно ядом,
Я сажу опьянен.

1979

* * *

Листья желтеют неярко, неброско,
Все начинается с тонкой полоски.
Вот она шире! Вот она больше!
Вот вся земля уже в желтой пороше...
Так незаметно на взгляд может первый
Осень сезонные пишет шедевры.

1979

* * *

Птицы свои покидают гнездовья,
Жизни меняя спешно условия.
Летнего спелого запаха пыли
Дух улетает с ними на крыльях.

Краски сгущаются, краски темнеют,
Дни с ними медленно холодеют.
Все замирает, все коченеет.
Холодом веет, холодом веет...
Шел дождь слепой. Дождинок струи
Искрились в солнечных лучах,
А ветер трогал их как струны,
И звон их тихо плыл в ветвях

И этот звон, и эти искры
В дождя гармонию вплелись
С такою искренностью чистой,
Что радуга взлетела ввысь!

1979

* * *

В ручьях воды исчезнувшего снега
Плывут воспоминания зимы.
И в струях их стремительного бега
И наших дней отрывки видим мы.

1979

О любви

* * *

Двое поссорились. Губы прикушены.
Слезы в глазах все стараясь сдержать,
Мяла листок она. Рядом вся впусшена
Что-то береза хотела сказать.
Он отвернулся, присел и с досадою
В сердцах цветок подхватил и рванул...
Глянул, вздохнул, словно в пропасть заглядывал
И... вдруг девчонке его протянул...
Тихо шептала над ухом береза,
Робко ласкался к щекам ветерок.
И, улыбаясь, забывши про слезы,
Гладила нежно девчонка цветок.

1973

* * *

Я проводил ее домой.
Она сказала мне: « Счастливо!»
И дверь закрыла за собой,
Чуть-чуть быть может торопливо.

Я брел по улицам ночным.
И было холодно, пустынно.
Плыла лишь с хохотом немым
Луна, как грустный Арлекино.

1976

* * *

Помнишь, в первый вечер,
Встретились мы только,
Лунный мир разбит был
Громом на осколки

Ливень — камнепадом-
Хлынул вниз отвесно.
Словно не хотел он,
Чтоб мы были вместе.

Помнишь, как бежали
По кипящим лужам
И смеялись ливню
Весело и дружно.

А потом укрылись
Где-то под навесом
И к друг другу, греясь,
Мы прижались тесно.
Помнишь этот вечер,
Наши поцелуи?
Их воды бегущей
Заглушали струи.

И слова той клятвы,
Что мы говорили...
Их, наверно, струи
Тоже заглушили.

Птицы улетают —
Люди остаются.
Той любви, как птицам,
В зиму не вернуться.

1977

Дождик, ветер и я

Я вчера ее так и не встретил-
Не пришла на свиданье она,
А лишь встретили дождик и ветер,
Как сердечного друга меня

Мы бродили втроем целый вечер.
Я молчал, загрустив. И они,
Обнимая сердечно за плечи,
Утешали меня как могли.

Мол, поссорились мы не на долго,
Мол, помиримся скоро опять
И винить тут друг друга мы строго
Не должны. Это надо понять!

И, кто первый решит помириться,
Пусть не значит, что он проиграл:
Просто любит сильнее и стремится
Чтоб цветок их любви не увял.

И в надежде, но с тайным сомнением
Телефона я номер набрал,
С охватившим вдруг сердце волнением,
Обо всем, обо всем рассказал.

И как лучик окрепшей надежды,
Прозвучавший затем в тишине,
Голос был ее, робкий и нежный:
— «Вы придете все трое ко мне?»

1977

* * *

Сегодня влетел ко мне ветер,
На пол поддувал все листы
И тихо сказал по секрету,
Что видел, как шла мимо ты,
Как солнца лучи золотились
На нежных и смуглых щеках,
Как губы улыбкой светились,
Как радость искрилась в глазах.

1977

* * *

Ласково шептал березе ветер:
«Юная, хорошая моя!
Долго был один я в целом свете,
А теперь — счастливей нет меня!

Лучшей я нигде, чем ты не встретил.
Юг ли, север, где бы ни бывал.
Будь женой мне, я за все в ответе,
Лишь бы быть с тобой!»... И долго ветер
Юную березу целовал

1978

Письмо

В наши все недолгие свиданья
Как ты мне желанна и близка...
Только вот тобою при прощаньи
Быстро отнимается рука.
А лишь стоит днем нам повстречаться —
Мы знакомы будто бы едва...
Я не должен, знаю, обижаться,
Говорить обидные слова:
Ведь, когда так любишь беззаветно,
И, когда стесняются тебя,
Можно без труда понять, что тщетно
Ждать взаимность.

Значит не судьба.

1978

Неотправленное письмо

Я думаю, что ты меня поймешь,
Когда не напишу тебе ответ.
Что прожито - того уж не вернешь,
И начинать сначала — смысла нет.

Я сердцем льнул к тебе, а ты ко мне — умом,
Любила ты, как я тебя боготворил.
Что ж, не виню тебя, спасибо и на том,
Что я с тобой счастливым эти годы был.

1978

* * *

Милая, прости меня, прости!
Если в чем-то я и виноватый.
И прошу тебя, не надо, не грусти
От сознания горестной утраты.

Я и сам в себе не разберусь.
Все в душе моей перемешалось
Радость и томительная грусть,
Жажда жизни и душевная усталость.

1978

* * *

Я ничему не буду удивляться
Не буду слушать, думать, сожалеть.
Я только не хочу навек прощаться
С тем, что прожил,
что довелось иметь.

Пусть будет боль!
И к лучшему надежды
чуть виден будет пусть далекий свет.

Мне все равно!
Лишь чтобы был как прежде
В глазах твоих
все понимающий ответ!

1979

Письма (диптих)

* * *

В области дальние, дальние страны
Писем идут и плывут караваны
С радостью, горем и чьим-то отчаянием.
Все это только дойдет с опозданием,
Станет глухим, даже чуточку странным
В этой сохранности, воспоминанием.

* * *

Я тебе пишу издалека.
И как ниточку, связующую нас,
Вяжет строчку быстрюю рука,
Что ведет надежней, чем компас.

Все она расскажет, все найдет,
Поругает и помирит может,
А еще разлуку перервет,
А еще — себе конец положит...

1979

* * *

Когда в себе приходится скрывать
Порыв души: любить и быть любимым,
То поневоле станешь замечать,
Как зримое становится незримым.

И мысли все о счастье и любви,
Которые так ясно видишь в книгах,
Бесследно тают, как их ни лови,
Становятся неувимым мигом

1979

Размышления

В Павловске

Грустными глазами девочка в старинном
На меня смотрела со стены.
Рядом ее сестры, но в ряду картинном
Те девицы были не грустны.

Видно жизнь была их вовсе не печальной,
Раз в улыбке лица расцвели.
Почему ж ее глаза о грусти тайно
Сквозь века нам пронесли?

1972

Предчувствие

В разгаре солнечный сезон,
Теплом ласкают тело пляжи,
И упоительный озон,
Как песня, душу будоражит.

Но ощущая лета власть,
Что заставляет жить, как в грёзах,
Огни ты чувствуешь не раз,
Что скоро вспыхнут на берёзах.

С тобой их видели мы раз
В те дни безудержного счастья.
В тот миг, еще в разгаре страсти,
Любовь уже бросала нас.

Огни прощальные тепла,
Природы мудрая беспечность!
Они — мгновение и вечность,
Граница доброты и зла!

1976

* * *

Симпатичный синтетический котенок
Свесил хвост за ветровым стеклом.
Шнур, которым он подвешен, тонок.
Пляшет весело на нем котенок,
Машет синтетическим хвостом.

В непогоду, в жару, в любое время года
Тот же жест — веселый и пустой,
Жест марионеточный уroda,
У которого навек свобода
Связана хозяйскою рукой.

Пляшет, пляшет весело котенок...

1977

К поэту

Привстав на цыпочках, неслышно
Свечи колеблется огонь.
Рука с пером гусиным пышным
Чертит из легких букв заслон.

За ними — радости, печали
Семейных и служебных дел,
Что, как, о чем где рассказали,
Кто как, кто где и что успел...

Но вот пера последний росчерк.
Письмо окончено. Его,
Как бы летящий, легкий почерк
Теперь дороже нам всего.

Любой клочок с его рукою
Мы собираем и храним,
И, положив перед собою,
С ним, как живущим, говорим...

Как хорошо и как резонно,
Что время в тот далекий век
На разговорах телефонных
Не экономил человек.

23.12.1978

* * *

Наташа Ростова впервые на бале.
Все ново и страшно в искрящемся зале,
И сердцу тревожно от сладкой отрады,
И щеки горячие ищут прохлады...

Мы вместе с Наташей волнуемся тоже
Никто равнодушным остаться не может.
И с Пьером потом, задыхаясь от муки,
Целуем Наташины бледные руки...

И вновь возвращаемся к первым страницам,
Чтоб чудным прочтением их насладится...

А жизнь, что уходит в секундах незримых,
И в лучших страницах — невозвратима.

1978

* * *

В старых альбомах,
Потертых и блеклых,
Между страницами —
Желтые фото.
Лица, фигуры
Заметны кого-то
Словно на грязных,
Засиженных стеклах.

Все они выцвели,
Временем стерты.
Только глаза
Смотрят будто живые.
Только глаза!
Все забыто.
Все мертво.
Живы они лишь —
Кричаще — немые.

1978

1.

Тепла немного подарить,
Улыбкой мир обогатить,-
Ну что такого б тут казалось...
А делать это вам случилось?

2.

Белые гвоздики фонарей,
Вытянувшись строго по ранжиру,
Путь-дорогу указуют миру
Белой параллельностью огней.

3.

Мерцают звезды на хрустальном небосклоне,
Свой вечный совершая ход.
В своем холодном и бескрайнем лоне
Вселенная их бережно несет.

Они над нами, как холодный призрак
Великих истин, страшных катастроф,
Являют нам неотвратимый признак
Теперешних и будущих Голгоф.

1979

* * *

Снег выпал в марте! Чудеса природы!
И в памяти всплывает вдруг одно
Стихотворение. Там что-то вроде:
«...Ему и больно и смешно...»
Кому ? А! Мальчик «заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...»
Да это Пушкин! Вот потеха!
То, что училось так давно,
Вдруг обозначилось, как веха,
Как звук в немом еще кино.

1979

* * *

1.

Когда события меняют необычно
И рушат все, что было так привычно,
Мы часто сожалеем и грустим,
Ушедшее считая дорогим.

Инерция покоя и тиши
Становится инерцией души...

2.

Но вот проходят дни,
И все что было новым,
Становится привычным, дорогим, здоровым,
И все прошедшее,
Что так любили мы
Мы вспоминаем так, так, как вспоминают сны...

Инерция обычная сердец?
Нет! Свойство жить, пусть прошлому конец!

1979

* * *

Мерцающий экран
Уютно освещает
Всю комнату и всех,
Сидящих перед ним.
Привычный глаз, чуть-чуть скучая,
Наблюдает
Мелькающих программ
Бесперебойный ритм.
Уже и репортаж
Из космоса обычен.

И так, хирея,
За экранною стеной,
Мы забываем то,
Что свет ее привычный,
Быть может, отблеск звезд
Над голубой землей...

1979

Триптих

Привет тебе, старый троллейбус!
Я знаю, ты страшно скептичен,
Считая за глупости ребус
Каких-то там мифов античных!

Но кажется мне зачастую,
Что в дугах твоих, будто в латы,
Как нить Ариадны, зажаты
Два провода, путь указуя.

Мчится железный троллейбус,
Усики-копья подняв.
Мчится по улицам-ребусам,
Нить ариадны зажав.

Мчится большой, неуклюжий,
Словно слепой динозавр.
Мчится герой безоружный
К месту, где ждет Минотавр!

Прошел троллейбус. Кажется последний.
Ну что ж, пешком опять домой идти.
Быть может пожалеет кто-то: «Бедный!»
Быть может буркнет: «Раньше мог уйти...»

Я промолчу и выйду на дорогу,
Где суете покой пришел взамен.
Услышу эхо, что за мной не в ногу
Крадется зеркалом вдоль стен.

Увижу фонарей развешанные гроздья.
И уловлю в них мудрую печаль.
И верю, что невидимые звезды
Покажут путь в неведомую даль...

Ушел троллейбус. Это был последний.
И я пешком опять иду домой.
И гулко топая, как Медный Всадник
Еще мечтаю о свидании с тобой.

1979 - 1986

* * *

Расплакался отшлепанный ребенок.
Склонилась мать рассерженно над ним
И голосом кричала не своим,
Что он позор ее, такой бесенок.
Затем, совсем уже рассвирепев,
Его тряхнула, будто душу
Хотела вынуть...
Мир, оцепенев,
 молчал,
 не вмешивался,
 СЛУШАЛ...
1979

* * *

На Луну залетают спутники,
Врач заходит к бывшим больным,
По дороге при случае, путники
Заезжают к знакомым былым...

и все это обычным считается,
Ну как же тогда расценить
То, что горе, бывает, навалится,
А друзья не спешат заходить?
1979

* * *

Шагай, шагай, крути ногами землю,
Тебе покой не может быть приемлем.

Взгляни — Земли обманчивый покой
Как метит годы за тобой.

Ты — Человек! Не просто существуешь,
Свой след потомством маркируешь,
Молвой и памятью, за то, что совершил
В бою в работе и когда любил.
1979

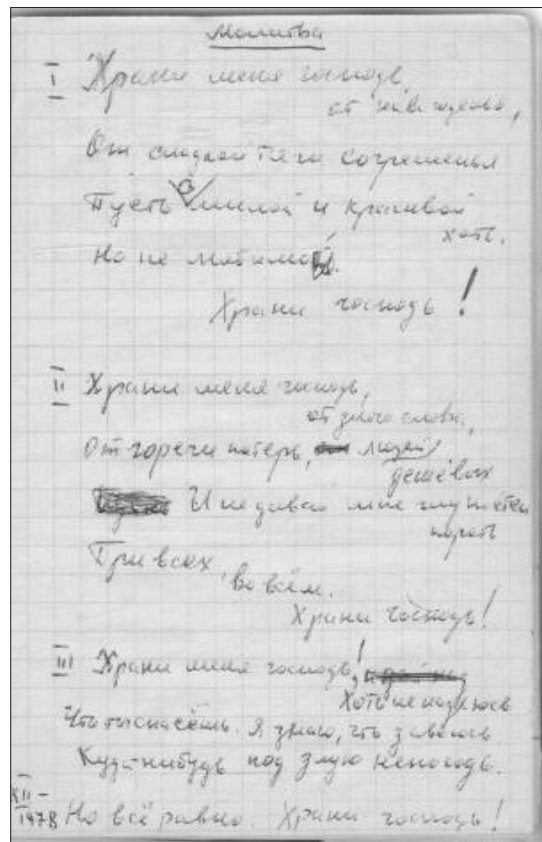
* * *

В заботах мир.
И из своих квартир
Мы редко видим в настоящем свете,
Что мир — иной,
А не из тех, до дыр,
Затертых,
 умных,
 прописных заветов:
Как жить, как быть,
Что прежде получить,
Чтоб жизнь пошла, как говорят, по маслу.
И трудно нам порою уловить
Тот миг,
Когда в нас что-то вдруг погаснет.
1979

* * *

Толчками жизнь идет,
Толчками кровь струится,
И кто его поймет,
Где может так случится,
Что будет тот толчок
Сильнее, чем обычно,
И жизнь даст кувырок.
А кровь? Та лично
И будет тем толчком,
Что кувырком
Жизнь оборвет
Так прозаично.

1979

(Оставалось полгода до окончания института. Дальше начиналась самостоятельная жизнь. Осенью этого же года я познакомился со своей будущей женой. Все это было настолько волнительно, что сами собой родились строки, обращенные к Господу.)

Молитва

1. Храни меня, Господь, от наважденья,
От сладкой тяги согрешенья,
Пусть с милой и красивой хоть,
Но не любимой.
Храни, Господь!
2. Храни меня, Господь, от злого слова,
От горечи потерь, людей дешёвых,
И не давай мне глупостей пороть
При всех, во всём.
Храни, Господь!
3. Храни меня, Господь, хоть не надаюсь,
Что Ты спасешь. Я знаю, что завеюсь
Куда-нибудь под злую непогодь.
Но все равно.
Храни, Господь!
Декабрь 1978

Как я перешел к прозе

Нельзя сказать, что в пору стихоплетства прозы я не писал. Писал, конечно, но как-то крадучись. Запись двух рассказов уцелела после сожжения клеенчатой с тиснением тетради. Это были рассказ «Одно утро из моей жизни в деревне» (название говорит само за себя и является подражанием заголовку книги Даниеля Дефо «Робинзон Крузо», которой я тогда зачитывался) и рассказ «Парри Элен» (опус, навеянный, понятное дело, увлечением фантастикой).

Первый рассказ позже вылился в стихотворение «Утренние размышления»:

Утренние размышления

Хорошо быть курицей, наверно.
Нет мозгов, а, значит, нет забот.
Роешь землю лапами примерно,
Набиваешь дрянью всякой зоб.

А потом садишься и рожаеть
Маленькое белое яйцо
И, как водится, оповещаешь
Громким воплем мир, что снесено.

И его, конечно, подбирают,
Могут съесть, а то вдруг захотят —
Соберут с десяток и сажают,
Заставляя вывести цыплят...

Белый, маленький и хрупкий шарик.
Он молчит, но он не мертвый груз:
Будто бы не включенный фонарик,
Он лежит, положенный в картуз.

Кажется, ну что с него возьмется,
Есть он, существует, ну и пусть...
Но согрей его, и в нем забьется
Жизни новой торопливо пульс.

Интеллект у куриц развит скупо,
Нет мозгов, рефлексов только ряд.
Но не так уж в курице все глупо,
Как на первый кажется нам взгляд...

Так я утром размышлял однажды.
Ежась от прохлады у крыльца,
Глядя, как моя бабуся важно
Разбивала в сковородку два яйца.

1978

Второй рассказ много лет спустя стал основой фантастической повести «Последний зомби», впервые опубликованной в журнале «Знание-Сила. Фантастика» №2 2011 г.

Тяга к пастельной роскоши прозы по настоящему началась к окончанию института. Хотя акварельная размытость стиха еще продолжала довлеть в творческом сознании:

* * *

В открытых окнах свет погашен.
Все спят давно. Не сплю лишь я.
Сочувствуя, мне тихо машут
Ветвями в окнах тополя.

Не сплю, дотошно изучаю
Изломы контуров домов
И в них старательно пытаюсь
Увидеть кончики стихов.

1979

Но уже чаще, наряду со стихами, стали складываться маленькие формы, очень похожие на верлибры.

Вот примеры двух из них:

Отзвуки прошлого

Летний день. Ни облачка. Все дышит покоем. И кажется, не будет холодных ливней и ураганов. И будет вечным это голубое небо.

Я поднимаю голову и подставляю лицо теплему дыханию ветерка.

Мне хорошо и покойно.

Я ложусь на спину и, опьяненный запахом травы, готов уснуть.

Но мне мешает камень.

Не глядя, я беру его, хочу отбросить, но что-то заставляет вдруг меня помедлить...

Я подымаю взгляд и вижу на ладони патрон зажатый от автомата.

Обида

Возле закрытых дверей на лестничной площадке стоял маленький мальчик.

Он молча плакал, глотая слезы.

— Тебе плохо, Малыш?

Он молчал.

— Может, обидел кто?

Он опустил голову.

— Почему ты плачешь?

Он отвернулся.

Я обнял его за плечи.

Мальчик враждебно отстранился.

Он не принимал моего участия, потому что его обидели взрослые.

Уже в деревне, где первые три года своей учительской жизни я работал в школе, поздними вечерами, после подготовки конспектов уроков на следующий день, на тот же стол ложились уже не клочки бумаги для стихов, а тетради для прозы.

Послесловие

Нет-нет, стихи я не перестал писать. Наоборот, их стало писаться довольно много, к разным датам и праздникам в семье или на работе.

* * *

Есть у цветов такое свойство:
Гасить душевное расстройство,
Давать настрой, дарить отраду
И говорить без слов, что надо...

* * *

Когда на нас идет суровая зима,
Душа умеет греть себя сама:
Любовью, верой, пониманьем,
Как святые все воспоминанья,
И как всегда, когда вокруг раздрай -
Поможет только Герда, а не Кай!

* * *

Без дирижера невозможно
Оркестру музыку сыграть.
Так и в семье, без МАМЫ сложно
Уют и теплоту создать.

* * *

Снегу — по колено.
И морозец — хваткий.
Словно по заказу
К дню рожденья Натки

Щёки — заалели.
И душа — запела.
И от поздравлений
Сердце потеплело.

Утверждаю, что участь придворного стихоплета, наверное, не самое плохое поприще для любого творческого человека. Ни тебе критики, ни тебе злословия. Наоборот, за стихи, посвященные каким — то датам членов семьи, или за стихи юбиляру в рабочем коллективе никто не обидится, и даже, может быть, будет выплачен гонорар в виде поцелуя или рюмки водки. А это для творческого человека, когда выход на более широкую аудиторию ему заказан по разным причинам, много значит. Мало того, такое творчество становится объектом подражания для близких. На библиотечные полки опусы родственников в виде книг никогда не лягут и не подвергнутся никакой критике. Наоборот, будут храниться в семейных альбомах для потомков как раритет теплых семейных отношений.

Дочь маме

Писать стихи я не умею
Хотя пытаюсь два часа
А очень хочется, от них чтоб
Смеялись ясные глаза

Омытая росой утра
Улыбка просияла вновь,
И главным оставались в жизни
Надежда, Вера и Любовь

Жена мужу

В минуту горькую и грустную
Когда в груди кипит гроза
Я милых рук пожатье чувствую
И вижу милые глаза

Все, что с хорошим в жизни связано
Все это связано с тобой
И этим все, пожалуй, сказано,
Любимый мой, хороший мой.

Теперь вы поняли, почему эта книга названа маленьким поэтическим дивертисментом?

И если она вам приглянулась, то я очень этому рад!

С уважением, Прозаик.

Содержание

От автора	3
Предисловие	5
Сожжение клеенчатой тетради с тиснением в топке титана для нагрева воды	9
Журналист городской и районной газеты и по совместительству поэт Вячеслав Колесников	11
Армейские стихи	14
Литературный институт им. Горького. Поэт Сидоренко Н.Н.	19
Кировоградский пединститут. Преподаватель В. Марко. Многотиражка «Советский студент»	21
Амбиции и грезы о лаврах поэта	24
Год 1977-ой — стал годом стихотворного молчания в студенческой многотиражке. Рассказ «Ансамбль»	30
В мае 1978 года ансамбль «Юность» был на гастролях в ФРГ	35
Лето 1979 г. — время выпускных экзаменов	38
Мое последнее сотрудничество с многотиражкой	43
Просто стихи	44
О природе	45
О любви	54
Размышления	62
Как я перешел к прозе	77
Послесловие	82

Леонид Григорьевич Корниенко

Окна целятся в ночь перекрестием рам

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная верстка — Ирина Ракитина

Бумага офсетная
Тираж 130 экземпляров
Сдано в набор 11.03.2016
Подписано в печать ##.##.2016

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел (495) 978-62-75